

Об авторе. 53 года. Живет в Минске (Беларусь). "По образованию инженер-электрик. Стихи начала писать неожиданно для себя и близких три года назад...

Публикации в Общероссийском поэтическом сборнике "Здравствуй, муза!" в 2010 году, в 4 выпуске альманаха "Золотая строфа" в 2010 году".

ОПЯТЬ ПУГАЮТ ОСЕНЬ И ДОЛГИ

Опять пугают осень и долги,
и от рассвета к ночи - путь недолог...
А скоро – запах ёлочных иголок,
и мишурой в окне – луны осколок
пробьётся сквозь бесцветие пурги.

И будет соль подтаявших дорог,
и сладок - сон, а жар от печки – дорог,
когда возьмёшь бессонницу измором –
под чай с малиной и страничек шорох,
пока ложится снег на твой порог.

И белый свет замрёт - окном распят,
а первый снег порадует раз пятый,
пока последний - не мелькнёт заплатой.
И за весну потребует расплаты
капли оглушительный набат.

ПЛАТОК

Маме и узникам детского лагеря смерти "Красный берег"

Дивно ландыши цвели...
Жить надёжнее при тыле.
Если только бы в пыли
бабы меньше голосили...

Дети плачут, бабы - в крик...
Офицер нахмурил брови –
фронту, что ни говори,
не хватает детской крови.
И вздохнув, сажал детей
в грузовик, деля по росту,
не стреляя в матерей,
что кидались под колёса.
И в пути быть добрым смог –
сам от пыли задыхаясь,
отдал девочке платок,
чтоб не кашляла, икая.
И нахмурясь, вёз детей
в лагерь смерти, где из крови
добывали силу те,
кто – не люди...

В час неровен
грузовик брал дань от сёл.
Был конвой добрее пыли.
День весенний, ландыш цвёл...
Где-то дети жили-были...

АННУШКА

Аннушкин дом пустоты полон,
масло – в лампаде, и крест - в пальцах...
Не помогает - опять Воланд
душу тревожит своим вальсом.

Раз - и кукушкой поёт – полночь.
Кем-то распята - шутя, медля...
Два – озарение. Свет? Полно -
это безумье - в глазок медный...

Три – за спасеньем бегом – к Богу:
- Я согрешила... Найди выход!..
И поклонилась Ему – строго,
а чтобы понял, ушла – тихо...

Шаг за порог... Тишина – вздохом...
Липкий туман по пятам – дымом
льётся на рельсы... Одно плохо –
первый трамвай пролетел мимо.

Прыг-скок...
Кругом голова...
Вдоль рельс –
красная трава.
- Где свет?
И трамвая нет...
Кто здесь?
Шорохи - в ответ
и смех.
Череп в полный рост...
- Здесь я –
главный. Берлиоз.

- Надо бежать! Ноги где? Боже...
Тени чудные вокруг бродят,
и ни души – черепа, рожи!
Крест наложить – не с руки, вроде...

И завертелась – искать угол,
где бы приткнуться. Ничком – надо б,
да чтобы ветер подол трогал...
И костылям бы была рада...

- Дома, наверное, гроб мелкий -
без головы... Эх, туда кабы!
Бабы судачат... С гербом вилки

не прихватили б мои бабы!

И притомилась - свело щёку.
Рядом – костыль... Да кому нужен?
А Берлиоз – зуб гнилой в щёлку:
- Кто безголовый – всего хуже.

День, ночь...
Помнится едва -
век здесь?
А быть может – два.
Здесь бы,
хоть кукушки звук...
Мух бить -
не хватает рук.
И всё
мучает вопрос –
кой чёрт
рядом Берлиоз?

Был бы неплох, да на вид – нечисть.
Книги писал, говорит, злыдень –
вот оттого и мигрень лечит.
И Самого, говорит, видел.

Тянет извечно одну песню:
- Головы – дрянь. Суета, ругань.
Поговорить по душам не с кем.
Аннушка, будь мне хоть ты – другом.

Знаешь, когда меня пьёт Воланд –
я упускаю момент. Странно –
словно есть голос, да нет слова...
Я бы иначе писал, Анна!

Брови ссутулит... Обнять? Нечем...
После посмотрит вокруг хмуро
и заорёт петухом певчим:
- Масло зачем разлила?! Дура!

Так – век.
Не прогнать никак...
Слов нет?
Не нашёл, дурак.
Знать бы,
где тот божий свет -

а здесь говорят,
мол, нет...
Врут. Мне б
крест сейчас нести...
Вдруг – свет!
Господи еси...

Вальс из-за стенки... Опять вечер,
и долгожданных шагов звуки...
Муха жужжит... Да убить нечем –
смирной рубахой сплели руки.

[Страница автора в Сети.](#)